ЛУЧШИЕ ЛЮДИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

АННА ПЕЙЧЕВА

Анна Пейчева

Лучшие люди Российской империи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70007011
SelfPub; 2023

Аннотация

Перелом веков! Революции идут одна за другой, как волны при сильном шторме: промышленная, культурная, научная. На гребне каждой волны – удивительные таланты. Но, едва успев заявить о себе, эти таланты вдребезги разбиваются о бюрократические скалы консервативной Российской империи. Герои этой книги – астрономы и балерины, антрепренеры и физики-теоретики, фотографы и модельеры, летчицы и гримеры. Кто-то из них прославился на весь мир, кто-то всю жизнь прозябал в безвестности. Но всех объединяет главное: поразительная сила характера и выдающиеся способности, не нашедшие применения на родине, но вызвавшие восторг за границей… При подготовке сборника использовались материалы, никогда ранее не переводившиеся на русский язык. Биографии представлены в хронологической последовательности. Напряжение в книге возрастает по мере приближения революции 1917 года.

Содержание

От автора 4
Евгения Ольденбургская: бизнес-леди Воронежской губернии 7
Иван Болдырев: донской казак против корпорации Kodak 17
Надежда Ламанова: от царского бархата до крестьянской мешковины 26
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Анна Пейчева
Лучшие люди Российской империи

От автора

Самое интересное начинается, когда вы закрываете учебник истории – и открываете мемуары тех, кто в этот учебник не попал. Биографии обычных людей, а не политиков, – это живая, волнующая, несправедливая, восхитительная, неожиданная история России конца XIX – начала XX века. От этой эпохи просто невозможно оторваться. Это время головокружительных надежд и смертельных разочарований, гениальных открытий и удушающей бюрократии, культурных сенсаций и экстремальной эмиграции.

Лучшие люди Российской империи – кто они? Известные личности? Но большинство этих имён забыто. Богачи? Но они едва сводили концы с концами. Аристократы? Лишь некоторые из них. Так почему же они лучшие?

Потому что не желали мириться с обстоятельствами, в которые поместила их жизнь. Они боролись, боролись до самого конца: изобретали, придумывали, писали, репетировали, чертили, кроили, взлетали… Рвались вверх, к солнцу, даже

если крылья за спиной полыхали ярким пламенем.

Евгению Ольденбургскую не сломил пожар, стеревший с лица земли её детище – шоколадную фабрику. Иван Болдырев, голодая в крошечной промозглой комнатке, сооружал первый в истории короткофокусный объектив. Надежда Ламанова, ожидая расстрела в Бутырской тюрьме, рисовала сногсшибательные наряды из солдатского сукна. Сергей Дягилев выбрасывал газеты, называвшие его балеты «непонятным топтанием на сцене», и призывал артистов ломать барьеры. Матильда Кшесинская и Тамара Карсавина сбивали ноги в кровь, сбегая от вооруженных большевиков. Макс Фактор пробирался февральской ночью сквозь дремучий лес, спасаясь от еврейских погромов.

Ольга Озаровская помогала Менделееву решать сложнейшие уравнения, а Нина Субботина, несмотря на свою глухоту и костыли, исследовала космос, такой же бесконечный, как ее одиночество. Владислав Старевич снимал культовые мультфильмы со скачущими галушками, а Александра Глаголева прыгала из окна родительского дома, чтобы изучать физику в Москве. Евгения Шаховская поднимала в воздух экспериментальные аэропланы, а Вера Холодная поднимала настроение голодному, измученному народу. Константин Веригин, едва освоившись в изгнании, взялся за сочинение легендарного аромата «Шанель № 5», пока Мария Романова своими тонкими дворянскими пальцами вышивала для Коко изумительные узоры на платьях.

Перед вами – яркая мозаика отечественных талантов, которыми вы будете гордиться… Лучше поздно, чем никогда.

Евгения Ольденбургская: бизнес-леди Воронежской губернии

Светлейшая княжна Евгения Максимилиановна была необычной принцессой. Ее волновали не женихи, не новые хрустальные туфельки, а мощные паровые котлы и полезные ископаемые. Из всех представителей дома Романовых Евгения была, пожалуй, самой деловой – а с годами стала несгибаемой бизнес-леди. Она лично руководила громадным свеклосахарным заводом, при этом занималась наукой, благотворительностью, да еще и председательствовала в Императорском обществе поощрения художеств. Репин и Васнецов частенько бывали у нее в особняке на Марсовом поле, где на обед подавалась оленина из личного заповедника принцессы, а на десерт – шоколад ее собственного завода. Евгения не справилась только с одним проектом в своей жизни – устройством нормальной семьи.

Императорская внучка

Давайте сначала разберемся с титулами Евгении, коих у нее было великое множество – настоящий коктейль европейских голубых кровей. Родилась она в 1845 году в семье великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, внука французской императрицы Марии Франсуазы-Жозефины. Полное имя нашей героини звучало невероятно пышно: ее императорское высочество принцесса Ольденбургская, урожденная светлейшая княжна Романовская, герцогиня Лейхтен-

бергская, принцесса Богарне.

В отличие от большинства Романовых, известных своей меланхоличностью, Евгения с детства была энергичной и веселой барышней. В юности она стала главным организатором развлечений молодежи Дома Романовых, но эта бесцельная суета быстро ей наскучила, и в возрасте двадцати трех лет принцесса занялась общественной деятельностью – взяла под свое крыло Рождественскую женскую гимназию в Петербурге. Евгении нравилось руководить восторженными девочками, которые затаив дыхание слушали свою венценосную попечительницу. В этом районе жили люди небогатые – мелкие чиновники, купцы, мещане, – для их дочерей каждый визит принцессы становился настоящим событием. Обучение в гимназии было бесплатным.

Евгения с головой ушла в воспитание гимназисток, приговаривая: «Образованные дети со временем найдут себе честный и безобидный кусок хлеба». И тут спохватились родители принцессы. Барышне уже двадцать три, а она все еще не замужем!

Муж – необходимый в XIX веке аксессуар

В XIX веке женщина не могла вести нормальную светскую жизнь, не имея мужа, хоть какого-нибудь. Родители подобрали Евгении жениха, равного ей по крови и по положению. Принц Александр Ольденбургский был дальним родственником княжны, рос вместе с ней, хорошо ее знал и был не

против взять ее в жены. Тем более, что и семья принца брак одобрила. Про невестку говорили: «Она была во всех отношениях привлекательна, очень естественна и без претензий, у нее было некрасивое, но очень приветливое лицо. Она не говорила по-немецки, но прилежно стремилась его выучить, чтобы владеть им достаточно при посещении Ольденбурга в мае».

На первый взгляд, счастливая семья. Но в реальности принц Александр был крайне сложным человеком, «в котором добрые намерения перекрещивались с бешеными порывами и попытки принести пользу – с безжалостными проявлениями грубейшего насилия». Ольденбургский состоял в оккультном обществе, весь погрузился в эзотерику, а потом увлекся египтологией.

Евгения, конечно, знала, что выходит замуж за человека неуравновешенного и непредсказуемого. Но, очевидно, супруги договорились просто не мешать друг другу. Принцесса быстро родила сына Петю, наняла ему наставников-военных и скорее вернулась к любимой работе.

Королева российского шоколада

На свое двадцатипятилетие Евгения получила от дядюшки императора Александра II царский подарок – имение Рамонь на реке Воронеж, вместе с бывшим при нем скромным сахарным заводиком. Наконец-то принцессе нашлось где развернуться! Ольденбургские переезжают в Усманский

уезд Воронежской губернии. Евгения привозит с собой большие деньги, большие идеи и неисчерпаемую энергию.

Через несколько лет Рамонь не узнать. Здесь расцвел европейский капитализм в лучшем его проявлении. Убогое село превратилась в крупный промышленный кластер с предприятиями самого разного профиля, от конезавода до коврового производства. Но главное – Евгения полностью переоборудовала и реконструировала сахарный завод. Если раньше рабочие варили свеклу в чугунных котлах на открытом огне, то теперь этот каторжный труд заменился силой паровых агрегатов – едва ли не первых в России. От свекольных полей принцесса проложила рельсы прямо к цехам. Смонтировала подвесную канатную дорогу для механизированной транспортировки свекловичного жома с завода на пункт откормки скота. Тут же воздвигла рафинадный цех для производства «сахарных голов» и отстроила сверхсовременную «Паровую конфетную фабрику». Цукаты из арбузных корок от Евгении Ольденбургской занимали первые места на выставках в Лондоне, Париже и Брюсселе. Конфеты рамонской фабрики подавались к императорскому столу.

Украшением Усманского уезда, да и всей губернии, стал новый замок Евгении в средневековом стиле – с высокими узкими окнами, мостиками, фонтаном, – словом, все как в сказке.

Но сидеть в башне принцессе было некогда. По утрам Евгения лично обходила все цеха, посещала больницу для ра-

бочих и бесплатную столовую, пробовала там каждое блюдо. В народе ее прозвали «тетя Мопс», потому что она повсюду брала с собой маленькую собачку. Евгения вообще была весьма экстравагантной – одевалась в темно-синий полумужской костюм. Платья она терпеть не могла.

Никогда не сдаваться

В 1905 году рамонский завод сгорел дотла. «Пожар длился более двух недель, – пишет краевед Владимир Шилов. – Расплавленный сахар, конфеты, патока все это время горячей массой текли в реку Воронеж». Восстановить завод не помогло даже покровительство государя.

Потеря дела жизни стала большой трагедией для Евгении. Но даже такая катастрофа не превратила принцессу в домохозяйку или светскую стрекозу. Евгения велела подать себе карету, подхватила под мышку своего мопса и отправилась наводить порядок в Петербурге.

Просто перечислим некоторые общества, которые возглавила принцесса в столице:

– Императорское минералогическое;

– Императорское ботаническое;

– Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию;

– Община сестер Красного Креста;

– Комитет по оказанию помощи раненым солдатам.

И это далеко не полный список. Но больше всего Евге-

нии нравилась ее должность председателя Императорского общества поощрения художеств. Она неплохо разбиралась в живописи и очень ценила таланты Репина, Васнецова, Бенуа, Рериха. Принцесса и тут проявила капиталистический креатив – именно Евгения придумала выпускать первые в России открытки, которые тогда назывались художественными иллюстрированными открытыми письмами. Акварельные изображения для этих открыток как раз и выполняли знаменитые мастера. Всего разошлось более 30 миллионов экземпляров.

***

После революции Евгения вместе с семьей благополучно покинула Россию. Большевики не рискнули связываться с членами Дома Герцогства Ольденбургского. Пять долгих лет принцесса оставалась в соседней Финляндии, надеясь на скорое возвращение домой. Но этого так и не случилось. Прогрессивная русская принцесса Евгения, достойная мультфильма Диснея едва ли не больше, чем великая княжна Анастасия, закончила свою удивительную жизнь во Франции, оставив на родине много благодарных гимназисток и художников, солдатов и ученых.

Евгения в юности

С мужем Александром

С сыном Петром

Рамонский завод в конце XIX века

Великолепный дизайн коробки конфет

Замок Ольденбургских в Воронежской губернии

Иван Болдырев: донской казак против корпорации Kodak

Представьте себе бедную казацкую семью середины XIX века. Отец служит в Войске Донском, гоняет нагайкой грабителей, нарушивших южные границы империи. Мать с утра до ночи на хозяйстве. Сын Ванька пасет скот, потому что ни на что больше не годен, хилый да рассеянный. Стреляет плохо, шашкой машет кое-как. Да и пастух-то из него так себе, больше на цветочки любуется, чем за овцами приглядывает. Ладно хоть в шестеренках смыслит, благодаря Ванятке все часы в станице Терновской идут точно, кукушки выскакивают как положено. Но разве в этом доблесть удалого казака – в винтиках шебуршиться? Родители только вздыхают, глядя на сына-неудачника.

В сентябре 1869 года Ване Болдыреву исполнилось 19 лет. В этом возрасте казаков забирали на службу в полк. Будущее Ванятки на ближайшие 30 лет было совершенно ясным – папаха, шаровары с лампасами, верный конь и жалованье 1 рубль в месяц. «Уж атаман-то научит тебя уму-разуму», – радовался отец, снаряжая сына в дорогу.

Но до места сбора Ваня не доехал. Сбежал. И оказался в ярком и богатом Новочеркасске, столице Области Войска Донского. Деревенский паренек долго бродил по шумным улицам мегаполиса, потерянный и ошеломленный. А потом увидел вывеску «Фотоателье». Туда заходили нарядные, празднично одетые люди. В самом ателье было много красивых декораций и загадочного оборудования. Среди

всей этой роскоши царил величественный Фотограф. Ваня понял – он хочет так же. И рискнул, попросился в ателье помощником. Его взяли – и жизнь казака Болдырева изменилась навсегда. Потом он вспоминал: «Любя с малых лет мастерство, я решился научиться фотографическому делу, которое скорее могло дать мне денежные средства к существованию, а также и доступ в другие города».

Уже через год Иван сделал свое первое изобретение – «универсальный короткофокусный объектив», который произвел в Новочеркасске настоящий фурор. Артисты местного театра выстраивались к Болдыреву в очередь, чтобы получить превосходные портреты, больше похожие на картины, чем на фотографические снимки.

Успех вдохновил дерзкого казака на покорение столицы Российской империи. В 1872 году Иван переехал в Санкт-Петербург – и сразу поступил на работу в фотоателье легендарного Альфреда Лоренса, портретиста и пейзажного фотографа. Да, Болдырев все так же работал всего лишь помощником и ретушером, но зато сколько возможностей саморазвития открылось перед ним! Иван посещал рисовальные классы Общества поощрения художников, поступил вольнослушателем в Академию художеств. На оплату занятий у него уходил почти весь скудный заработок, однако Болдырев не унывал – к тому моменту он уже задумал творческий проект, который просто обязан был принести ему славу и большие деньги.

Для реализации проекта Ваня должен был отправиться туда, откуда десять лет назад с таким трудом спасся. Вооружившись свои универсальным объективом, Болдырев вернулся на родину – уже в качестве профессионального фотографа, а не пастуха-горемыки. Он провел в станице Терновской два года, снимая казаков так, как никто другой до него. Иван создал сотни потрясающих фотографий, живописующих колоритную жизнь на Дону. Эти снимки пронизаны любовью и грустью. Но самое главное – все они сделаны на гибкую пленку.

До Болдырева фотографы работали со стеклянными пластинами – тяжелыми, хрупкими, неудобными и дорогостоящими. Ивану же удалось придумать легкий, гладкий и прозрачный материал для фотоосновы. Смоловидную пленку Болдырева можно было окунать в кипящую воду, настолько она была неубиваемой.

В 1882 году фамилия Болдырева прогремела на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве, где он представил 50 лучших фотографий донской серии и свою революционную смоловидную пленку. Никому не известный молодой фотограф удостоился бронзовой медали выставки – «за фотографические снимки, сделанные особыми, придуманными экспонентом способами и приемами». К нему подходили именитые мастера, одобрительно хлопали по плечу, советовали срочно оформить патент на пленку, чтобы потом его выгодно продать, разбогатеть и открыть

собственное ателье…

Но регистрация в патентном бюро стоила 150 рублей. Таких денег у нищего Болдырева не было. Он еле-еле наскреб на то, чтобы заплатить за смолу для своей пленки. Русское техническое общество отказалось помогать Ивану, даже несмотря на его триумф на выставке. Дело в том, что те самые именитые мастера, которые лицемерно выражали свой восторг в Москве, теперь вставляли молодому фотографу палки в колеса. Как пишет историк и журналист Тим Скоренко, «у фотопластин было свое лобби, причем довольно сильное… Развитие пленочной технологии сулило значительные убытки фотографам: в первую очередь оно позволило бы серьезно облегчить фотоаппараты и – не дай бог! – сделать их достаточно компактными и недорогими, чтобы ими стали интересоваться простые смертные».

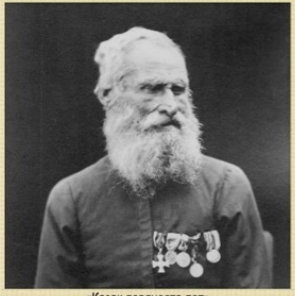
История с пленкой Болдырева закончилась плохо. Он так и не нашел денег, чтобы зарегистрировать изобретение. Зато его коллеги за океаном, американские фотографы братья Хьюстоны, примерно в это же время сумели оформить патент не только на аналогичную гибкую пленку, но и на валики для ее перемотки и – внимание! – на первую в историю пленочную камеру. В 1888 году предприимчивый бизнесмен Джордж Истмен купил эти патенты у братьев Хьюстонов. И сразу пустил в массовое производство первую бокс-камеру, также известную как ящичный фотоаппарат. Так началась знаменитая фотоимперия Kodak. К которой донской казак

Иван Болдырев, к величайшему сожалению, не имел ровным счетом никакого отношения.

Судьба фотографа Болдырева теряется еще до революции. Очевидно, ему так и не удалось выбраться из бедности, несмотря на то, что известный критик Стасов называл его талантливым художником. Был у пленки Болдырева еще один маленький шанс засветиться на мировом рынке – Иван подал заявку на участие в международной выставке в Париже. Но чиновники ему отказали. Предпочли отправить во Францию тех самых «именитых мастеров» с их громоздкими, устаревшими стеклянными пластинами. А Болдырев так и остался в Петербурге, в своей маленькой комнатке с вечными сквозняками и ободранными обоями, которые он прикрывал своими великолепными фотографическими картинами.

Селфи во время изобретения плёнки

Селфи на новый объектив в темном помещении



«Казак девяноста лет»

«Казачка в праздничном костюме»

«Казачье семейство. Цымлянская станица»

«Донской казак»

Надежда Ламанова: от царского бархата до крестьянской мешковины

Она парила в сфере творчества и красоты – зная, что дома ждёт спокойный, верный муж, который поддержит все её начинания, даже самые рискованные. Простой страховой агент Андрей Каютов оттенял свою яркую жену, великую Надежду Ламанову, наряжавшую весь высший свет Петербурга и Москвы; Андрей был жизненно необходим ей, как глоток свежего воздуха после тяжелого дня, напоенного сложными ароматами дорогих духов. Супруг всегда хранил свою Надежду – и когда она вложила все семейные сбережения в строительство громадного модного дома на Тверском бульваре, и когда закупила тканей в Париже на полмиллиона; он был рядом с ней на автогонках и в театре, в литературном кружке и на благотворительном базаре. Но главное – Андрей сберег Надежду в самые чёрные, послереволюционные годы, когда они оба оказались в Бутырской тюрьме под угрозой расстрела.

Чернышевский и первая любовь

Надежда Ламанова родилась в Нижегородской губернии в 1861 году, в семье отставного гусара и генеральской дочери. Родители у Надежды были ласковыми, весёлыми и хлебосольными, и даже бедность не могла сломить их жизнерадостный дух: Ламановы переезжали с места на место, и в каждой новой квартире устраивали шумные приемы и праздники. Надя всегда с нетерпением ждала очередного до-

машнего бала, чтобы завить волосы и надеть красивое платье, сшитое маминими руками. Среди гостей было много симпатичных нижегородских кадетов, но Надя отнюдь не стремилась к замужеству.

Из мемуаров Ламановой: «Около 15-ти лет я взяла в руки роман Чернышевского “Что делать?” – и новый мир открылся перед моими глазами. Словно открылось окно в широкую жизнь. Мысли о женской самостоятельной работе, о разрешении страшного вопроса “что делать?” молодому существу, выходящему на большую дорогу жизни, – возникали уже среди молодежи. И вот, казалось, мы получили ответ».

Юная Надя была настоящей бунтаркой. Когда ей исполнилось восемнадцать, она собрала свой немудрёный чемодан и сбежала из дома – к женатому страховому агенту Павлу Саввичу Андруцкому, на двадцать лет старше её. «Он был умен, красив и, главное, очень влюблен», – вспоминала Ламанова. Родители были шокированы, однако через полтора года с радостью приняли дочь обратно, когда ей надоело быть домохозяйкой при вечно занятом Павле.

Надежда вернулась в семейное гнездо совсем другим человеком. Во-первых, она постриглась под мальчика. Во-вторых, задумалась о том, как жить дальше: «Я поняла, что без экономической независимости не может быть свободы для женщины, стало быть, нужно уметь зарабатывать деньги. Но чем же? Училась я блестяще, была настойчива, изобретательна и самолюбива. Но чем же заняться все-таки? Зна-

комство со знаменитой нижегородской портнихой Татьяной Степановной Войткевич подсказало мне решение, само собой напрашивающееся в моем положении: я стала учиться у Татьяны Степановны шитью и кройке. Общественное положение отца, образование, знакомства, связи и наследственная склонность к украшению жизни помогли мне почти сразу, минуя черную работу швеи, войти в круг мастериц художниц. В 1883 году я решилась на второй самостоятельный шаг: переехала в Москву и стала работать в мастерской Суворовой».

Покорение Москвы

Почему Ламанова выбрала Москву с её консервативным купечеством, а не блестящий Петербург – модную столицу России? Надежда искала своего бывшего возлюбленного. Она слышала, что после расставания с ней Павел переехал в Москву. И последовала зову сердца, а не разума; отправилась за Андруцким, решив начать роман с ним с чистого листа.

Теперь расстановка сил в их отношениях изменилась. Павел увидел не ту наивную гимназистку, какой Надежда была несколько лет назад; пред ним предстала взрослая, уверенная в себе художница, окружённая восторженными клиентками и осваивающая основы ведения бизнеса – уже в 1885 году, в возрасте 24 лет, Надежда открыла своё первое ателье в Тупом Хлыновском переулке. Затем появился первый роз-

ничный магазин модно-галантерейных товаров Ламановой на Большой Дмитровке и тогда же наша героиня разработала свой, уникальный метод работы с тканью, который стал её визитной карточкой. Надежда кроила наряд прямо на заказчице или на манекене-дублёре, накалывая бесчисленные складки, играя светотенью, создавая объем. Её руки сравнивали с руками хирурга и скрипача, скульптора и графика.

Владимир Матов, современник Ламановой, рассказывал: «Она набрасывала ткань на стоящую перед ней заказчицу и, подумав одно лишь короткое мгновение, располосовывала эту чудесную дорогую ткань большими, очень острыми ножницами, что приводило меня, а еще более, должно быть, заказчицу в трепет. Затем выхватывала изо рта, полного булавок, несколько штук, прикалывала где-то что-то, окончательно отрезала теми же ножницами какие-то излишки и говорила: «Вот, пожалуй, и все, милочка, идите». И перед вами появлялись очертания чего-то нового, изящного и совершенного, а расторопные помощницы быстро уводили за ширму оробевшее совершенство».

Жизнь Ламановой складывалась великолепно… Но в 1891 году её Павел заболел сыпным тифом и скончался на руках у любимой. Надежда тяжело переживала его уход. Она с головой ушла в работу и к концу века добилась ошеломительных результатов. В 1898 году Ламанова стала официальным поставщиком великой княгини Елизаветы Федоровны, сестры императрицы, жены московского градоначальника. И

той же осенью познакомилась с милым юношей – Андреем Павловичем Каютовым.

И в радости, и в горе

Андрей оказался в мастерской Ламановой случайно. Он тогда ухаживал за примой Малого театра Гликерией Федотовой и сопровождал актрису повсюду, в том числе на примерку платьев. Гликерия была на двадцать лет старше Андрея, так что не удивилась, когда её спутник увлёкся молодой и энергичной владелицей ателье. Актриса легко отпустила кавалера к Ламановой; она бы и мужа своего законного отдала, лишь бы только не портить отношения с такой изумительной модисткой, одной на миллион!

Вообще-то Надежда тоже была старше Андрея, но всего на шесть лет. Ему на тот момент исполнился тридцать один, ей тридцать семь. Андрей понравился ей своими разносторонними интересами – он гонял на спортивном автомобиле «Панар-Левассор», не расставался с профессиональным фотоаппаратом, при этом изучал церковную музыку и спонсировал постановки пьес Чехова на сцене МХАТа. Удивительно, но Андрей, как и Павел, тоже был страховым агентом! Причем высшего класса – работал помощником управляющего московским отделением страхового общества «Россия». А когда наша героиня узнала, что Каютов родился в селе Надеждино Рязанской губернии, ее сердце совсем растаяло. Это не может быть простым совпадением, сказала себе

Надежда Ламанова и вышла замуж за обаятельного Андрея.

Следующие девятнадцать лет стали лучшими в жизни Ламановой. Она рисковала – и каждый раз выигрывала. Построила четырехэтажный дом на Тверском бульваре с пошивочным цехом, демонстрационным залом, школой портновского дела и жилыми помещениями, наняла триста мастериц – и не разорилась, популярность её только росла, все траты полностью окупились. Счета она выставляла богатым московским купцам астрономические. Филолог Георгий Леман, друг семьи, вспоминал: «Курьезны были ее рассказы, как купцы «торговались» с ней – купцы любят, чтобы им «делали скидки». Так, например, подаст она счет на 34 240 руб. Приезжает «сам» М. А. Морозов (Тверская мануфактура) и говорит: «Надежда Петровна, уж вы мне уступите, скиньте 240 руб.» «Извольте, с удовольствием!»… Насколько широк был размах работы Надежды Петровны, можно судить по тому, что она ежегодно ездила в Париж, где держала квартиру, закупать модный товар для своего предприятия. А закупала она этого товара на полмиллиона!»

Надежда Ламанова сшила потрясающие наряды к знаменитому Императорскому балу-маскараду 1903 года. Все высшее общество российской Империи было облачено в костюмы «допетровского времени». Дамы были одеты как русские боярыни и крестьянки, кавалеры представлялись стрельцами и сокольничими. Княжна Варвара Александровна Долгорукова писала: «Среди заказчиц Ламановой была и моя сест-

ра, графиня Софья Ферзен. Она была очаровательна в своем платье и украшениях. Талант, вкус и стиль знаменитой московской портнихи Надежды Петровны Ламановой были исключительны. Это был русский гений элегантности. Мы гордились ею. Никто не мог сравниться с ней, даже лучшие дома французской моды». В 1904 году Ламанова стала «Поставщицей Двора Ея Императорского Величества Александры Фёдоровны».

Станиславский целовал Надежде руки, называл «Шаляпиным от моды» и великим художником – Ламанова шила замечательные костюмы к его спектаклям, актрисы блистали бисером и стразами, зрители заглядывались на тонкие кружева платья Анны Карениной. Марина Цветаева посвятила модистке строки: «Та богиня – мраморная, // Нарядить – от Ламановой»…

Муж помогал Надежде со всей бухгалтерией, вел домашние дела, претворял в жизнь ее благотворительные и образовательные проекты. По вечерам Андрей устраивал дома творческие встречи, приглашал на чай и вист знаменитых писателей, художников и философов, а в выходные дни Надежда садилась за руль семейного «Фиата» и они с Андреем отправлялись в Сокольники кататься на лыжах… А потом наступил 1917 год. И жизнь рухнула.

Тюрьма и мешковина

После революции Надежда потеряла всё – дом на Твер-

ском бульваре, имущество, заказчиков, доходы. Они с Андреем ютились в коммунальной квартире на Еропкинском переулке. Потом стало ещё хуже – их арестовали и посадили в Бутырскую тюрьму по обвинению в контрреволюционной деятельности, ведь Надежда была знакома с императорской семьей. Супругам грозил расстрел, но случилось чудо – их спасла давняя клиентка Ламановой, актриса Мария Андреева, гражданская жена Максима Горького.

Надежду и Андрея освободили, и они стали по кирпичику строить новую жизнь в экстремальных условиях гражданской войны и всеобщей бедности.

Ламанова не унывает и с неиссякаемым энтузиазмом экспериментирует с самыми дешёвыми тканями – мешковиной, солдатским сукном, домотканым полотном, бумазеей. Она кипит новыми идеями, и эти идеи находят живой отклик у советских функционеров. Ламанову назначают в отдел художественной промышленности Наркомпроса РСФСР Главнауки, ей предлагают подготовить костюмы в новом советском стиле для международных выставок в Париже, Лейпциге и Нью-Йорке. Надежда Петровна соглашается, заявляя: «Революция изменила мое имущественное положение, но она не изменила моих жизненных идей, а дала возможность в несравненно более широких размерах проводить их в жизнь». Ее геометрические платья из русских полотенец вызывают за границей удивление и интерес.

В лондонской газете «The Sketch» в 1924 году выхо-

дит статья «Советская мода: шик из мешковины и простыни»:«Советская власть усложнила создание моды, но известная московская портниха мадам Ламанова с изобретательностью подходит к проблемам нужды. Она использует странные материалы для создания шикарных платьев, такие как мешковина, ремни, даже не из натуральной кожи, сушеный горох, старые ковры, полотенца и салфетки».

О международном триумфе своих смелых коллекций Надежда Петровна узнает разве что из газет. За границу её не выпускают. А зачем? Её успех – это достояние Советского Союза, в новом обществе нет места индивидуальности. Ламанова празднует свои победы с мужем на коммунальной кухне.

В 1931 году еще один удар – Андрей уходит из жизни. Надежду снова выручает работа, на этот раз – театральным костюмером. Она одна знает, как раньше одевались дворяне, и шьет достоверные и изысканные платья для спектаклей по произведениям Толстого, Грибоедова, Пушкина.

Её последняя маленькая радость – «Cuir de Russie», любимые духи от Шанель. Бесценные флакончики «Русской кожи» привозит из Парижа лучшая подруга Ламановой, скульптор Вера Мухина. Кто же мог представить, что эти духи станут для Надежды Ламановой роковыми…

Рассказывает Всеволод Замков, сын Веры Мухиной: «В 1941 году, за несколько дней до нашего отъезда из Москвы, Надежда Петровна говорила, что ей осталось жить два дня,

объясняя это тем, что всю жизнь душилась французскими духами «Cuir de Russie» и вот их осталось две капли. Через два дня, придя в Камергерский переулок (она работала в Художественном театре) и увидев на воротах замок, она поняла, что театр «бросил» ее, во всяком случае – никто не догадался предупредить об отъезде одного из старейших своих работников. Это настолько ее потрясло, что, не найдя в себе сил вернуться домой, Ламанова умерла недалеко от театра, прямо на улице».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.